

Памяти отца протоіерея Аполло- на Александровича Лашкова.

16 іюля с. г. исполнилось полгода со дня кончины законоучителя Томской Маріинской женской гимназіи Отца протоіерея Аполлона Александровича Лашкова. 16 января вечеромъ въ духовномъ училищѣ, во время засѣданія членовъ Отдѣленія Епарх. Училищнаго Совѣта, внезапно подошелъ къ о. Аполлону страшный часъ смерти, и душа его оставила тѣло.

Вѣсть о кончинѣ О. Аполлона поразила всѣхъ родныхъ, знакомыхъ, учащихъ и учащихся въ гимназіи, тѣмъ болѣе, что 16 января на урокахъ батюшка выглядѣлъ совершенно бодрымъ, былъ оч. благодушно настроенъ, и ничто не предвѣщало рокового конца. Но фактъ совершился: всѣми уважаемый и многими любимый Старець законоучитель скончался: остались однѣ воспоминанія объ его свѣтлой, благородной личности, объ его честной, трудовой жизни и о тѣхъ мысляхъ и чувствахъ, съ которыми друзья и знакомые провожали прахъ почившаго къ мѣсту вѣчнаго упокоенія. Аполлонъ Александровичъ происходитъ изъ духовнаго званія. Отець его былъ діаконъ въ г. Каинскѣ Томской Губерніи. Здѣсь покойный родился въ 1840 г. и провелъ дѣтскіе годы. Учиться о. Аполлону пришлось сначала въ Ишимскомъ духовномъ училищѣ, потомъ въ Тобольской духовной Семинаріи. Съ открытіемъ въ 1858 г. Томской дух. Семинаріи онъ съ нѣсколькими товарищами перешелъ сюда и студентомъ 1-го выпуска кончилъ курсъ въ 1860 г. Учился Апол. Алек. и въ училищѣ и въ Семинаріяхъ прекрасно: объ этомъ говорятъ сохранившіеся его похвальные листы и аттестатъ объ окончаніи

курса Семинаріи, въ которомъ написано, что всѣ науки онъ изучалъ отлично хорошо и весьма хорошо. Сочиненія Аполлона Александровича считались лучшими и въ разрядномъ спискѣ онъ занималъ мѣсто не ниже 4-го.

Предъ окончаніемъ курса духовной Семинаріи ему, какъ лучшему воспитаннику, предложено было Семинарскимъ Начальствомъ поступить въ Духовную Академію для продолженія образованія, но онъ не воспользовался этимъ предложеніемъ, п. ч. мать его, по смерти отца, осталась безъ средствъ и нуждалась въ его помощи. Глубоко сознавая свой сыновній долгъ въ отношеніи матери, а также желая помочь младшему брату докончить образованіе, о. Аполлонъ пожертвовалъ Академіей и посвятилъ себя пастырскому служенію въ своемъ родномъ городкѣ Каинскѣ. 25 сентября 1860 г. онъ былъ рукоположенъ въ священники и назначенъ къ Каинской тюремной церкви. Съ того времени начались пастырская и законоучительская дѣятельность о. Аполлона. Одновременно съ исполненіемъ обязанностей тюремнаго священника, онъ преподавалъ истины Христовой вѣры нижнимъ чинамъ Каинской Инвалидной Команды.

Насколько ревностно исполнял о. Аполлонъ свои пастырскія обязанности, можно судить по слѣдующему факту. Неподалеку отъ тюремной церкви, въ которой о. Аполлонъ совершалъ Литургію, случился пожаръ. Пламя быстро раздалось и охватило самую тюремную церковь. Молящіеся перепугались, выбѣжали изъ храма и уговаривали о. Аполлона сдѣлать тоже. Но на всѣ просьбы и убѣжденія выйти онъ отвѣчалъ: „умру, а не выйду, пока не кончу Литургію“. Церковь горѣла, о. Аполлонъ совершалъ таинство, и благополучно вышелъ только тогда, когда кончилъ священнодѣйствіе...

5 лѣтъ служилъ о. Аполлонъ въ Каинскѣ. За пастырскую ревность и трудолюбіе Правленіемъ Казанской Духовной Акаде-

ми въ 1865 г. онъ былъ опредѣленъ Инспекторомъ Томскаго Духовн. училища, преподавателемъ въ немъ Зак. Божія и членомъ Епарх. цензурнаго Комитета. Черезъ 3 года о. Аполлонъ, по собственному желанію, назначается учителемъ Латинскаго яз. въ Барнаульское Духовн. училище и вмѣстѣ съ тѣмъ старшимъ священникомъ Знаменской церкви. Служить въ Барнаулѣ о. Аполлону пришлось только одинъ годъ. Въ 1870 году онъ опредѣляется законоучителемъ Томской Маріинской женской Гимназіи и и. д. Законоучителя мужской. Съ этого времени о. А. окончательно поселяется въ Томскъ: 37 лѣтъ состоитъ настоятелемъ домовоі церкви при женской Гимназіи и преподаетъ Законъ Божій, кромѣ Гимназіи, еще во Владимирскомъ приход. училищѣ и въ Реальномъ.

Но законоучительствомъ дѣятельность о. Аполлона не ограничивалася. Онъ еще 3 года преподавалъ Латинскій языкъ въ мужской и женской Гимназіи; 5 л. состоялъ классномъ Наставникомъ въ реальномъ училищѣ; 6 л. тамъ же былъ членомъ хозяйственнаго Комитета и 3 г. секретаремъ педагогическаго Совѣта. Еще былъ членомъ Комитетовъ: испытательнаго при Том. Дух. Консисторіи и по устройству Епарх. Завода восковыхъ свѣчей. Нѣсколько трехлѣтій состоялъ членомъ Правленія Том. Дух. Семинаріи, по избранію духовенства. Въ 1891 г. былъ назначенъ членомъ Томск. Отдѣленія Епарх. училищн. Совѣта, а въ 1896 г. предсѣдателемъ этого Отдѣленія, Еще съ 1905 г. проходилъ должность благочиннаго домовыхъ церквей при учебныхъ заведеніяхъ г. Томска.

За безпорочную службу и усердное исполненіе возложенныхъ обязанностей о. Аполлонъ имѣлъ всѣ священническія награды (набедреникъ, скуфью, камилавку, наперсный крестъ, протоіерейство, орденъ св. Анны 3 ст.) до ордена св. Анны 2 ст. включительно, и кромѣ этого, за труды по преподаванію Зак.

Божія въ Маріинскомъ дѣтскомъ Приютѣ, былъ награжденъ наперснымъ золотымъ съ драгоценными камнями крестомъ изъ Кабинета Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Таковъ былъ внѣшній, служебный кругъ жизни о. Аполлона. За этой внѣшностью, за этими годами и обязанностями скрывается живая, дѣятельная, честная и любящая душа.

„Недюжинный умъ покойнаго, высокое благородство его нравственнаго облика, преданность дѣлу преподаванія—все это создавало неотразимо привлекательный образъ, который вызывалъ къ себѣ симпатіи всѣхъ знавшихъ его и прежде всего сослуживцевъ, учениковъ и ученицъ. Одной изъ отличительныхъ чертъ покойнаго была его удивительная терпимость къ человѣческимъ недостаткамъ и его постоянная благожелательность: сказать о комъ бы то ни было дурное, казалось, было выше его силъ. Онъ весь проникнутъ былъ евангельскимъ завѣтомъ „не судите, да не судимы будете“, и прежде всего заботился о томъ, чтобы своими поступками, дѣлами и словами не соблазнить кого-нибудь. И дѣйствительно, онъ не только никого не соблазнялъ, а былъ примѣромъ для многихъ, какъ отецъ—семьяникъ, какъ человѣкъ, законоучитель и пастырь. Нужно сказать, что въ семейной жизни о. Аполлонъ пережилъ страшное горе. Супруга его Татьяна Васильевна (урожд. Россова) не могла перенести трудности родовъ двухъ мальчиковъ близнецовъ и 8 мая 1866 г., черезъ полчаса послѣ разрѣшенія отъ бремени, скончалась. Похоронивъ горячо—любимую супругу и оставшись съ 3-мя малолѣтними дѣтьми¹⁾, изъ которыхъ старшей дочери тогда было только 4 года, о. Аполлонъ Александровичъ всею силою нѣжно-любящей

¹⁾ Четвертаго сына Николая тогда же взяла на воспитаніе сестра покойной его матери Глафира Васильевна Шумилова, съ которой онъ и по настоящее время живетъ.

и впечатлительной своей души отдался воспитанію своихъ крошекъ. У него въ семействѣ въ это время никого не было, кромѣ матери старушки и старой няни. Всѣ дѣти, кромѣ Николая, жили съ нимъ неразлучно—дочери до замужества, а сынъ Иннокентій до поступленія въ Университетъ.

Приверженность и любовь ихъ къ родителю были идеальныя: никто изъ дѣтей не сказалъ отцу грубаго слова и не было, кажется, случая, чтобы кто-нибудь когда-либо ослушался его или ушелъ изъ квартиры безъ его благословенія. И самъ онъ, выходя изъ квартиры, всегда прощался съ дѣтьми и благословлялъ ихъ, возвращаясь же—здоровался. Такъ онъ, живя въ послѣднее время съ одною изъ дочерей, поступалъ до послѣдняго дня жизни своей....

Пережитое семейное горе сдѣлало отца Аполлона особенно чуткимъ и отзывчивымъ къ несчастью и другихъ. Вотъ что пишетъ одинъ священникъ объ отзывчивости о. Аполлона къ чужему горю.

„Въ 1899 г. у меня совершилось ужасное несчастье; я похоронилъ жену. Все это случилось совершенно неожиданно—внѣзапно за два дня—до Свѣтлаго Христова-Воскресенія. Какъ громомъ поразило меня совершившееся, я остался одинъ съ моими малыми-безпомощными сиротами. Одинъ ужасъ и отчаяніе овладѣли мною. Въ первые жгучіе моменты я страшно боялся самъ за себя, пораженное горемъ воображеніе рисовало ужасную картину сиротства—съ моими малыми дѣтками. Я положительно потерялся—и если-бы не участіе близкихъ и дорогихъ моихъ друзей ко мнѣ—я не знаю, какія были-бы послѣдствія отъ всего происшедшаго. Тяжелая обстановка, присутствіе тѣхъ лицъ, которыя бываютъ—по обязанности—постоянными свидѣтелями внѣзапной смерти, ихъ разговоры—окончательно убили меня. Душа невыносимо страдала—я безпомощно рыдалъ и умолялъ о помо-

щи. Вотъ въ эти ужасныя минуты—я никогда не забуду—услышалъ первое бодрящее сердечное глубоко сочувствующее слово незабвеннаго о. Аполлона Александровича, пріѣхавшаго тотчасъ же раздѣлить мое горе. Сколько истиной любви слышалось въ этомъ братскомъ утѣшеніи. Я сразу понялъ что это доброе сердце искренно желаетъ облегчить и, сколь возможно, успокоить меня. Цѣлые часы предпраздничнаго недосуга онъ—добрѣйшій—отдалъ мнѣ и посвятилъ молитвѣ за безвременно скончавшуюся, не забывая дѣлать—за меня—свои указанія и распоряженія по похоронамъ. О. Аполлонъ Александровичъ самъ пережилъ—въ своей жизни—такое-же горе, его любвеобильному сердцу были близки мои страданія. Я, слушалъ его, видѣлъ въ немъ высокій примѣръ испытаннаго терпѣнія. Въ послѣдующее годы моего сиротскаго одиночества—заботливое и чисто отеческое вниманіе о. Аполлона Александровича никогда не оставляло меня, послѣ долгихъ—задушевныхъ бесѣдъ съ нимъ—я не чувствовалъ себя одинокимъ—у меня вновь являлось желаніе работать.

Слѣдуя дорогимъ завѣтамъ о. Аполлона Александровича, я, послѣ пережитаго горя, еще—въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не отставалъ отъ труднаго служебнаго долга—наблюдательства за Церковными школами, раздѣляя съ нимъ всѣ свои впечатлѣнія послѣ каждой трудной поѣздки по громадному округу. Онъ близко стоялъ къ школьному дѣлу—всю жизнь свою служилъ и весьма интересовался постановкой школьнаго дѣла—его глубокое сочувствіе ко всѣмъ моимъ планамъ—въ этомъ отмѣнно важномъ дѣлѣ—всегда меня вдохновляло и я забывался за этой чистой работой. Свѣтлый образъ этого дорогого человѣка, такъ много для меня истинною любовію послужившаго, запечатлѣвается навсегда въ моей благодарной памяти. Господь Ему воздастъ за любовь тѣмъ же“.

Какъ законоучитель о. Аполлонъ пользовался глубокимъ уваженіемъ и любовію большей части своихъ ученицъ за серьезное отношеніе къ дѣлу и пониманіе дѣтской души. Вскорѣ послѣ похоронъ о. Аполлона одна изъ ученицъ 7 класса прислала мнѣ письмо, въ которомъ она сообщаетъ что „смерть батюшки была тяжелымъ ударомъ для нихъ, юныхъ питомцевъ его, которымъ онъ отдавалъ половину своей жизни и всегда желалъ добра и счастья. Уроки о. Аполлона были для насъ часами отдыха, мы чувствовали себя, какъ дома, ничего не боялись, хотя и не знаешь урока, но надѣешься отвѣтить, и. ч. о. А. такъ умѣло задавалъ наводящія вопросы, что на нихъ невольно отвѣтишь.

Никогда онъ на насъ не сердился, а, наоборотъ, всегда относился ласково, добродушно и мы тоже относились къ нему не только какъ къ учителю, а какъ къ почтенному старцу, какъ къ родному отцу. Онъ шелъ на урокъ, какъ въ свою родную семью, зная, что въ классѣ ждуть его ученицы, которыя встрѣтятъ его съ радостью. На лицѣ его была ласковая улыбка. Начиналась бесѣда. На этихъ бесѣдахъ мы пріобрѣтали много хорошаго. Говорилъ о. А. всегда тихо, но хорошо; рѣчь его была проникнута любовію къ Богу и ближнимъ. Въ классѣ стояла тишина. И съ какимъ наслажденіемъ мы слушали, когда, напр., онъ рассказывалъ о крестныхъ страданіяхъ Господа Іисуса Христа, или о вѣрѣ, надеждѣ и любви къ Богу, о святыхъ мученикахъ о второмъ пришествіи Христа и о страшномъ судѣ. Послѣ такихъ бесѣдъ въ душѣ все болѣе укрѣплялась вѣра въ Бога, надежда на Его милосердіе и на Промыслъ Божественный. Эти бесѣды проходили такъ скоро, что даже мы не замѣчали. Онъ не гнался затѣмъ, чтобы спросить всѣхъ ученицъ и выставить отмѣтки въ четверть: ему нужно было сознательное отношеніе къ урокамъ, поэтому онъ спрашивалъ по нѣскольку разъ въ

четверть одну ученицу. Теперь на каждомъ урокъ Зак. Божія неволью вспоминается отецъ Аполлонъ.

Когда насъ извѣстили о смерти его, большинство плакало, какъ и при погребеніи плакали, п. ч. насъ сближала съ нимъ его любовь и добродушіе. Нужно было имѣть какое-то каменное сердце, чтобы удержаться отъ слезъ, видя о. Аполлона въ гробу, отошедшаго отъ насъ въ другую жизнь. Неужели любя и проучивши насъ 7 лѣтъ онъ не заслужилъ этихъ слезъ!?. онъ заслужилъ больше. Очень жаль, что не пришлось кончать 8-ой классъ при немъ“ Еще покойный о. протоіерей А. А. отличался особенно благотворительностью и нестяжательностью. Помогалъ онъ всѣмъ, кто обращался къ нему и считалъ для себя какъ то неудобнымъ отказать. На совѣтахъ гимназіи, когда поднимался вопросъ объ освобожденіи какой-либо бѣдной воспитанницы отъ платы за ученіе, его голосъ былъ первый за освобожденіе и когда не могъ достигнуть цѣли этимъ путемъ, то помогалъ бѣднотѣ изъ своихъ средствъ. Были у него и постоянные пенсіонеры, которые ежемѣсячно аккуратно являлись къ нему за опредѣленною суммою, какъ бы за своимъ жалованіемъ.

Нерѣдко давалъ онъ уроки на дому и не всегда у богатыхъ, а и у бѣдныхъ, но ни отъ тѣхъ, ни отъ другихъ не бралъ ничего, когда предлагали плату, отказывался отъ нея. Разъ пришлось ему присутствовать на похоронахъ одного уважаемаго имъ весьма состоятельнаго лица и когда ему, вмѣстѣ съ другими священниками, предложили въ пакетѣ какую то сумму, онъ не принялъ пакета и просилъ возвратить. Доходы церковные, на примѣръ, за поминовеніе и другіе, принадлежащіе ему, какъ священнику, онъ не бралъ себѣ, а употреблялъ ихъ на нужды церкви. Онъ состоялъ опекуномъ одной сироты, которая въ теченіи 11 лѣтъ жила у него, пользуясь всѣмъ содержаніемъ. У нее, между прочимъ, отъ отца остался какой-то капиталъ, хранившійся въ опекуномъ

Управленіи, изъ котораго покойный имѣлъ право брать деньги на обувь, платье и проч. опекаемой имъ сироты, но онъ ни одной копейки изъ того капитала не взялъ, такъ что въ теченіи 11 лѣтъ чрезъ приращеніе процентовъ сумма образовалась довольно значительная. Опекунское управленіе сочло своимъ долгомъ принести благодарность вестяжательному опекуну.

И вотъ 16 января с. г. этого добраго, трудолюбиваго, любимаго и любящаго человѣка не стало: Господь судилъ ему умереть при исполненіи обязанностей Предсѣдателя уѣзднаго Отдѣленія Епарх. Учил. Совѣта.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Памяти отца протоіерея Аполло- на Александровича Лашкова.

(Окончаніе.)

16 января въ 6 часовъ вечера назначено было засѣданіе Отдѣленія, которыя обычно проходятъ въ помѣщеніи Правленія Дух. училища. Къ означенному часу собрались въ этой комнатѣ Товарищъ Предсѣдателя А. М. Курочкинъ, Томскій Уѣздный Наблюдатель Церк, школъ А. Т. Смирновъ, членъ Отдѣленія священникъ А. И. Меньшенинъ и дѣлопроизводитель А. С. Кондаковъ. Предсѣдателя еще не было и собравшіеся пока занимались частнымъ разговоромъ. Но, вотъ, минутъ въ десять седьмого вошелъ въ комнату о. Предсѣдатель и, поздоровавшись съ присутствующими, занялъ свое обычное мѣсто. По лѣвую руку его сидѣлъ священникъ о. Меньшенинъ, по правую Наблюдатель. Въ

наружномъ видѣ о. Предсѣдателя не было замѣтно ничего тако-го, что заставляло бы предполагать о его болѣзненномъ состояніи. На лицѣ отражалось серьезное дѣловое настроеніе. Минуту—двѣ спустя, начали слушаніе очередныхъ дѣлъ. Выслушано было заявленіе крестьянъ одной деревни объ отказѣ ихъ давать кварти-ру и отопленіе для школы грамоты въ ихъ деревнѣ. Однимъ изъ членовъ Отдѣленія высказано было по этому поводу, что въ послѣднее время отъ училищнаго Совѣта дана инструкція, сколь-ко возможно поддерживать всѣ существующія школы, въ видахъ возбужденнаго въ высшихъ административныхъ сферахъ вопроса о введеніи всеобщаго обученія. Здѣсь отецъ Предсѣдатель между прочимъ сказалъ: „Конечно, желательно поддерживать шко-лы; но какъ это сдѣлать, если отпускъ на это средствъ отъ казны пока не увеличивается“? Эти слова были его послѣдни-ми словами. По общему согласію собравшихся рѣшено было для принципіальнаго разрѣшенія вопроса о поддержкѣ существующихъ школъ, ознакомиться съ инструкціей, изданной училищнымъ Со-вѣтомъ при Св. Синодѣ. Наблюдатель началъ чтеніе инструкціи. Прошло минуты три. Присутствующие замѣтили, что о. Предсѣ-датель слегка склонилъ голову въ правую сторону и началъ слегка хрипѣть горломъ. Присутствующимъ показалось поначалу, что онъ хочетъ прокашляться. Но хрипѣніе не останавливалось; голова стала наклоняться больше... Чтець остановился... Моментъ тре-вожнаго молчанія, и всѣмъ стало ясно, что съ о. Предсѣдателемъ происходитъ болѣзненный припадокъ. Отецъ А. Меньшенинъ обхва-тилъ его правою рукою, сказавъ: „ему дурно, надо воды“. Смо-тритель училища немедленно спустился въ классный корридоръ, захватилъ, съ помощью ученика, воды и направился въ комнату засѣданія. Прошло какихъ-нибудь минуты двѣ за этимъ дѣломъ и за эти краткія мгновенія опредѣлилась ужасная истина: отца Аполлона не стало!

Еще слышалось прерывистое дыханіе, когда присутствующіе снявъ его со стула, бережно уложили, подложивъ подъ голову связку школьныхъ дѣлъ и раскрывъ грудь для освѣженія водой. Но когда принесена была вода, дыханія уже не было, пульсъ остановился... Прибывшіе врачи рѣшительно засвидѣтельствовали смертельный исходъ болѣзненнаго припадка. По опредѣленію врача неоднократно лѣчившаго покойнаго и знавшаго его, какъ близкій, семейно знакомый человѣкъ, — онъ скончался отъ старческаго перерожденія сердца.

Тѣло усопшаго перенесли въ квартиру. Священники, по установленному чину, облачили его въ священныя одежды и отслужили первую литію. Тотчасъ же началось чтеніе Евангелія при покойномъ священно-служителями и продолжалось до выноса тѣла изъ квартиры въ церковь. Какъ только вѣсть о внезапной кончинѣ о. Аполлона облетѣла весь городъ, въ квартиру его пошли и поѣхали всѣ, кто зналъ его, и въ теченіе трехъ дней кажется, не было часа, чтобы кто-нибудь не пришелъ поскорбѣть и помолиться о душѣ покойнаго; литіи служились нѣсколько разъ въ день. Поздно вечеромъ 18 января, послѣ торжественной заупокой всенощной, совершенной представителями мѣстнаго духовенства въ квартирѣ покойнаго о. протоіерея, состоялся выносъ его праха въ церковь жееской гимназіи. Ночное погребальное шествіе, озаренное массой свѣчей, при начальномъ перезвонѣ колоколовъ Духовской церкви, представляло въ высокой степени торжественный видъ. Впереди старшія воспитанницы гимназіи несли за престольный крестъ и хоругви. За ними на рукахъ также воспитанницъ гимназіи возвышалась дубовая крышка гроба. Самый гробъ несли священники въ бѣлыхъ пасхальныхъ облаченіяхъ съ торжественнымъ пѣніемъ „Помощникъ и Покровитель“. По внесеніи гроба въ гимназическій храмъ, отцомъ протоіереемъ

Александромъ Завадовскимъ было произнесено слово, посвященное памяти покойнаго, слѣдующаго содержанія:

„Благословенъ входъ твой, достойнѣйшій „служитель сего Алтаря Господня. Въ послѣдній разъ вступаешь ты, дорогой нашъ сотоварищъ и сослужитель, въ этотъ храмъ Божій, который ты такъ много любилъ и въ которомъ горячо и усердно молился о всегда дорогихъ твоему сердцу питомцахъ сего учебнаго заведенія. Ты такъ много положилъ и своихъ заботъ и трудовъ по устройенію и украшенію этого храма. Любилъ говорить о его благолѣшіи, обширности, но все это, по обычному смиренію своему, не приписывалъ себѣ, а относилъ къ заслугамъ другихъ. Нынѣ вступилъ ты, собратъ нашъ, въ этотъ храмъ затѣмъ, чтобы провести въ немъ послѣднюю ночь въ молитвенномъ общеніи со своими любимыми питомцами. Ты въ настоящее время не созерцаешь уже святынь этого храма, не слышишь сладкогласнаго пѣнія церковнаго, не обоняешь кадила наго фимиама; глаза твои закрыты, уста сомкнуты, языкъ немоществуетъ, уши не слышать, но душа твоя бодрствуетъ. Она бессмертна и сохраняетъ всѣ жизненныя свойства, дарованныя ей Богомъ; Скажу болѣе: она здѣсь съ нами. По ученію св. Церкви: душа всякаго человѣка, по смерти его первые дни пребываетъ возлѣ своего тѣла, бываетъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя человѣкъ при жизни своей любилъ посѣщать; если онъ въ этихъ мѣстахъ дѣлалъ добро, душа радуется, а если творилъ зло и наносилъ вредъ ближнимъ, то скорбитъ и печалится. А такъ какъ достойнѣйшій Вашъ законоучитель и добрый пастырь дѣлалъ здѣсь одно добро, стараясь насадить въ Вашихъ юныхъ сердцахъ сѣмена вѣры и благочестія, то, несомнѣнно, душа его радуется, видя въ Васъ добрые плоды своего ученія. Можетъ быть Васъ много смущаетъ и приноситъ скорбь Вашему сердцу то, что любимый и достойнѣйшій Вашъ наставникъ скончался скоропостижно, безъ исповѣди и приобщенія св.

Таинъ. Нѣтъ, други мои, этимъ много не смущайтесь. Скорбѣть въ такихъ случаяхъ нужно о тѣхъ, которые проводили свою жизнь среди однихъ удовольствій, питая только свое тѣло, нисколько не заботились о своей душѣ и ея нравственныхъ совершенствахъ и среди этихъ удовольствій и другихъ пороковъ внезапно скончались. О нихъ дѣйствительно нужно сокрушаться. Куда души ихъ послѣдуютъ? Въ царство небесное, въ обители святыхъ ничто не можетъ войти скверное, неомытое слезами покаянія. Почившій Вамъ наставникъ былъ же таковъ. Онъ велъ жизнь истинно христіанскую: былъ воздержанъ во всемъ, добръ, незлобивъ. Въ душѣ его, по моему мнѣнію, была одна любовь и благорасположенность ко всемъ. Можете ли Вы, питомцы, припомнить хотя одинъ случай, когда бы онъ на урокахъ своихъ по закову Вожію сдѣлалъ Вамъ зло, допустилъ бы въ отношеніи Вамъ какую либо несправедливость. Думаю, что никто не скажетъ объ Немъ ничего подобнаго. Онъ желалъ всемъ Вамъ одного — успѣховъ въ наукахъ и счастья въ жизни Вашей. Не скорбите, по случаю внезапной кончины его еще потому, что онъ предъ самымъ праздникомъ Р. Христова былъ у своего духовника на исповѣди, какъ того требуетъ долгъ христіанина, а приобщился онъ Св. Таинъ только за 3 дня до своей кончины во время совершенія Бож. Литургіи. Наконецъ онъ отдалъ Богу праведную свою душу не среди шумныхъ удовольствій своихъ и разгула, а среди дѣловыхъ занятій при исполненіи своего служебнаго долга. По этому не печалиться мы должны по случаю внезапной кончины этого вѣрнаго [служителя Алтара Господня, добраго Вашего наставника и руководителя и усерднаго исполнителя всѣхъ велѣній Господнихъ и начальства, а радоваться тому, что Господь за его добрую жизнь послалъ ему мирную и безболѣзненную кончину.

Помолимся же всѣ, други мои, о почившемъ: да проститъ Ему Господь всѣ согрѣшенія его вольныя и невольныя и да вселитъ душу его въ селеніяхъ праведныхъ своихъ, гдѣ нѣтъ ни болѣзни, ни печали и ни воздыханія“.

По произнесеніи слова, во время котораго многіе плакали, была отслужена краткая литія. Гробъ покрывала масса вѣнковъ и отдѣльныхъ букетовъ живыхъ цвѣтовъ. О. Аполлонъ очень любилъ живые цвѣты и вотъ его бывшія ученицы, зная объ этомъ, сочли своимъ долгомъ осыпать гробъ своего законоучителя цвѣтами...

Утромъ 19-го заупокойную литургію совершалъ товарищъ покойнаго, Настоятель Мужского Алексѣевского Монастыря О. Архимандритъ Іона, въ сослуженіи другаго товарища и друга о. Аполлона, протоіерея А. Заводовскаго, о. Благочиннаго городскихъ церквей, прот. С. Сосунова и еще четырехъ протоіереевъ и священниковъ. Цѣль гимназическій хоръ усиленный любителями, подъ управленіемъ учителя пѣнія въ гимназіи и регента П. В. Леонова. Храмъ былъ полонъ молящихся. Изъ-за тѣсноты помѣщенія всѣ ученицы гимназіи не могли стоять въ церкви; было позволено присутствовать по нѣскольку человекъ отъ класса.

Во время запричастнаго стиха законоучитель Томскаго Учительскаго Института Священникъ Іоаннъ Ливановъ сказалъ слѣдующее глубокопрочувственное слово:

„Поминайте наставниковъ вашихъ, которые проповѣдывали вамъ слово Божіе; и, взирая на ковчину ихъ жизни, подражайте вѣрѣ ихъ. (Евр. 13 гл. 7 ст.).“

Да, осталось только поминать...

Передъ нами наставникъ, 37 л. трудившійся здѣсь, въ этомъ храмѣ науки, во бездыханенъ, безгласенъ, уста закрыты, очи угасли и не видятъ рыдающихъ, не встанетъ и не скажетъ

намъ наставленіе: почилъ безмятежно, зане совершилъ въ предѣлахъ земныхъ все земное. вмѣсто величаваго, благодушнаго, благороднаго старца предъ нами гробъ и бездыханное тѣло его.

Сердце сжимаетъ печаль, изъ глазъ льются слезы, слышны рыданія и вопль.

Но зачѣмъ скорбѣть, зачѣмъ крушиться, къ чему намъ слезы проливать!?

Вѣдь мы христіане и умершій собратъ нашъ не только христіанинъ, а даже наставникъ христіанскій, огласившій *словомъ ученія Христова* тысячи юныхъ горячихъ чистыхъ сердець. А слово Божіе говоритъ намъ: *братіе, не скорбите о умершихъ, какъ прочіе, не имѣющіе кадежды. Ибо если мы вѣруемъ, что Иисусъ умеръ и воскресъ, то и умершихъ въ Иисусъ Богъ приведетъ съ Нимъ (Солун. 4. 13—14.)*

Отецъ Аполлонъ глубоко вѣровалъ въ І. Христаи въ воскресеніе. Поэтому намъ остается теперь не рыдать, а разсуждать, не человѣчески смотрѣть, а христіански мыслить, учиться вѣрѣ и жизни отъ этого не такъ давно живого, а теперь бездыханнаго старца.

Дѣйствительно, есть чему поучиться отъ него, и когда мы побѣдимъ скорбь сердца, разгонимъ туманъ печали и дадимъ волю мысли нашей, она скажетъ намъ, чему учиться, въ чемъ подражать надо покойному.

Вспомните, кто былъ отецъ Аполлонъ!?

Студентъ 1 выпуска Т. Дух. Семинаріи, онъ со школьной скамьи посвятилъ себя служенію Слову Божію, принялъ священство и съ 1860 г. вѣрой и правдой служилъ церкви и обществу въ званіи пастыря, учителя и законоучителя. Большую и лучшую часть своей жизни, расцвѣтъ силы и здоровья онъ посвятилъ этому храму науки.

Цѣлыхъ 37 лѣтъ изъ года въ годъ, изо дня въ день онъ наставлялъ въ законѣ Божіемъ нашихъ матерей, сестеръ и дочерей. Наставлялъ не принужденно, а охотно, не для гнусной корысти, а изъ усердія. Всей душой онъ принадлежалъ гимназiи, объ ней больше всего думалъ, о ней говорилъ, радовался ея радостями, скорбѣлъ ея печалами.

Мало этого: онъ былъ не просто педагогъ, а пастырь—педагогъ, слѣдовательно на немъ лежала большая нравственная отвѣтственность (не предъ людьми, конечно а предъ нелицепріятнымъ Судіей, которому теперь онъ предстоитъ) за ввѣренное ему юное стадо. Онъ долженъ былъ, какъ пастырь, носить его въ сердцѣ своемъ, всегда помнить о тяжести креста своего и молить Творца о милости къ грѣшнымъ и увлекающимся питомцамъ своимъ.

Этотъ храмъ видѣлъ о. Аполлона предстоящимъ у Престола Всевышняго и приносящаго безкровную жертву.

Не разъ и не два, а тысячи разъ горячая, сердечная молитва выливалась изъ сердца добраго, но строгаго батюшки за ввѣренныхъ его водительству дѣвочекъ, будущихъ матерей и руководительницъ поколѣній.

И несомнѣнно, не одно материнское сердце сожмется грустью, не одна горячая слеза выкатится изъ глазъ бывшихъ ученицъ о. Аполлона, когда онѣ узнаютъ о его кончинѣ, вспомнятъ добрымъ словомъ своего батюшку и молитвенно пожелаютъ ему вѣчной памяти.

Итакъ, вся жизнь о. Аполлона прошла въ непрерывномъ тяжеломъ трудѣ наставленія истинамъ вѣры и нравственности учащейся молодежи.

Насколько усердно и добросовѣстно трудился о. Аполлонъ, можетъ сказать намъ его кончина. Очевидно Господь нарочито устроилъ такъ, что бы и самая кончина его сугубо учила насъ

и показала, какъ и мы должны жить. Трудный, но глубоко важный вопросъ произнесли въ послѣдній разъ на землѣ уста усопшаго о. Аполлона. Послѣдняя его земная мысль была о просвѣщеніи народномъ. Отошедши съ этимъ вопросомъ въ могилу, онъ оставилъ разрѣшеніе его, какъ свое послѣднее земное желаніе грядущему поколѣнію. И такъ онъ въ вѣрѣ и надеждѣ, любви и кротости, чистотѣ и священническомъ достоинствѣ благочестно прожилъ всю жизнь, и палъ какъ вѣрный, покорный воля на бороздѣ своей...

И вотъ вѣтъ его. Но изъ этого гроба онъ какъ бы говоритъ намъ: се лежу, возлюбленніи мои братіе, посреде всѣхъ молчаливъ и безгласенъ... Но вѣдь любовь никогда не умерщвляется... Поэтому молю всѣхъ знаемыхъ и друзей моихъ помяните меня предъ Господомъ, „яко да въ день судный обрящу милость на судищѣ ономъ страшномъ“.

Помяните, вы сослуживцы, своего честнаго, прямого, убѣжденнаго, аккуратнаго о. Аполлова.

Особенно вы, послѣдніи питомцы о. Аполлона, помните его, молитесь о немъ, потому что вы въ большемъ долгу передъ вашимъ теперь покойнымъ батюшкой, такъ какъ знаете, что иногда сильно обижали его.

Можетъ быть послѣдніе годы волненій и незаслуженныхъ оскорбленій отъ увлекающейся и часто отъ этого легкомысленной молодежи ускорили кончину батюшки. Мнѣ хорошо извѣстно, что никогда такъ не обливалось сердце скорбью у о. Аполлона, какъ въ послѣдніе смутные годы; никогда такъ не оскорблялось его религіозное чувство, какъ въ наши послѣдніе дни; но онъ всѣхъ прощалъ и молилъ Творца о прощеніи оскорблявшихъ его, потому что онъ не знали, что дѣлали.

Теперь вы должны молиться горячо, со слезами молиться, чтобы Господь простилъ грѣхи вашего батюшки.

Наконецъ, мы всѣ собравшіеся здѣсь отдать послѣдній долгъ почившему, глядя на этотъ гробъ съ останками, будемъ помнить:

„Какая сладость въ жизни сей
 Земной печали непричастна?
 Чье ожиданье не напрасно,
 И гдѣ счастливый межъ людей?
 Все то превратно, все ничтожно,
 Что мы съ трудомъ приобрѣли—
 Какая слава на земли
 Стоитъ тверда и непреложна?
 Все пепель, призракъ, тѣнь и дымъ,
 Исчезнетъ все, какъ вихоръ пыльный,
 И передъ смертью мы стоимъ
 И безоружны и безсильны.
 Рука могучаго слаба,
 Ничтожны царскія веленья—
 Приими усопшаго раба,
 Господь, въ блаженныя селенья!*)

Тотчасъ же по окончаніи литургіи болѣе 30 священнослужителей вышли на средину храма ко гробу, и начался торжественный и умилительный чинъ отпѣванія священниковъ. Предъ пѣніемъ канона предсѣдатель педагогическаго Совѣта жен. гимназіи Д. Д. Основинъ, стоя у гроба почившаго, сказалъ:

„16 января совершилось событіе роковое, поразительно ужасное по своей неожиданности: скончался всѣмъ извѣстный, всѣми уважаемый, любимый о. Аполлонъ, казавшійся за нѣсколько минутъ до смерти совершенно бодрымъ и здоровымъ, намѣревавшійся исполнять свои обязанности предсѣдателя Отдѣленія Епарх. Учил. Совѣта. 47 лѣтъ о. Аполлонъ несъ труды священства и педагогической дѣятельности, и въ одинъ мигъ отъ всего этого

*) Изъ стих. Алексѣя Толстого: Іоаннъ Дамаскинъ.

отрѣшился; въ одинъ мигъ все земное для него стало ничто. Никто не предвидѣлъ, что намъ придется такъ скоро схоронить старѣйшаго педагога, дорогого отца Аполлона Лашкова. Вся жизнь его ушла на пользу духовнаго просвѣщенія.“ Изложивъ далѣе служебную дѣятельность о Аполлона, Дм. Дм. сказалъ, что о. Аполлонъ былъ человѣкъ замѣчательныхъ душевныхъ качествъ: „всегда выдержанный, незлобивый, аккуратный во всѣхъ дѣлахъ, безукоризненно честный, онъ не любилъ отзываться о комъ либо плохо; личныхъ враговъ у него не было; личное дѣло стояло на второмъ планѣ. На первомъ планѣ онъ ставилъ то общее дѣло, которому по убѣжденію посвятилъ всю свою жизнь; только это дѣло его волновало.

Пусть же тѣ добрыя сѣмена, которыя онъ неослабно сѣялъ и примѣромъ и словами въ юныя души, упадутъ на хорошую почву и дадутъ добрые плоды. Вѣчная память въ сердцахъ людей пусть будетъ наградой тебѣ, дорогой учитель, за твои долготѣніе труды на землѣ“.

Предъ прощаніемъ съ прахомъ священникъ Іоаннъ Завадовскій съ амвола произнесъ слѣдующее слово:

„Возлюбленный и дорогой нашъ о. Аполлонъ Александровичъ! Ждали-ли мы, могла-ли бы у кого-либо мелькнуть даже мысль, что такъ скоро, такъ внезапно настанетъ моментъ навсегда разстаться съ тобой?

...Нѣтъ! и потому такъ особенно тяжела для насъ эта неожиданная разлука. Испыталъ я на себѣ, видѣлъ въ другихъ, какъ ошеломляло всѣхъ выслушиваемое печальное сообщеніе о томъ, что ты оставилъ насъ. Я видѣлъ слезы, слышалъ рыданія... Почему такъ?... Мало-ли умираетъ!

Хотя ты изъ истинно христіанской скромности всегда старался затѣнить себя, выражалъ неудовольствіе, когда говорили о тебѣ похвалу, но въ настоящую минуту, при послѣдней разлукѣ

съ тобой, позволъ вспомнить твой свѣтлый образъ, — онъ слишкомъ назидателенъ для насъ!

Да! глядя на твою жизнь, мы видѣли, что ты выполнилъ по мѣрѣ своихъ человѣческихъ силъ точъ завѣтъ, который начертанъ намъ на нашемъ священническомъ наперсномъ крестѣ. „Образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою, (1-е Тим. 4, 12).

Истинно! — Слово твое имѣло источнымъ началомъ вѣчное слово — ученіе Сына Божія, а не гнилое, мѣняющееся со всякимъ вѣтромъ ученіе сыновъ человѣческихъ. Житіе твое, т. е. виѣшнее твое поведеніе обуславливалось не духомъ времени, а исходило изъ святыхъ влеченій твоею Христовою истиною наитаннаго и глубоко вѣрующаго сердца.

Любовь твоя... но, вѣдь, ею ты и создалъ себя такимъ, каковъ ты былъ, — любимымъ всѣми за твою любовь ко всѣмъ, за твою нелицемѣрную, исповѣдную вѣру, за твое тѣлесное и нравственное цѣломудріе, за твою святую чистоту!

Ты своими теперь болѣе ясными духовными очами видишь какое множество собралось молитвенно проводить и возвратить землѣ взятую отъ земли твою тлѣнную оболочку; видишь и сознаешь, что привело и соединило насъ здѣсь у твоего праха: твоя праведно-свѣтлая дѣша и заслуженная тобою любовь наша къ тебѣ!

Трудно обрисовать тебя всецѣло, слишкомъ много у тебя свѣтлыхъ чертъ, которыми ты являлъ намъ себя образцомъ; по нельзя не вспомнить хотя бы-то немногихъ.

Какихъ, какихъ, порученій начальства не исполнялъ ты! исполнялъ безропотно и всегда добросовѣстно, — только заглянуть въ твой формуляръ: ты и приходскій священникъ, ты и смотритель духовнаго училища, ты и членъ цензурнаго комитета, и дѣятель по устройству Епархіальнаго свѣчнаго завода, и Благочинный и законоучитель много десятковъ лѣтъ! Господь посылаетъ тебѣ тя-

желый крестъ: ты — молодой вдовецъ, оставшійся съ пятью малолѣтними дѣтьми... но ты замѣнилъ дѣтямъ своимъ даже мать, одинъ далъ имъ такое воспитаніе, какимъ дай Богъ надѣлать своихъ дѣтей многимъ нашимъ матерямъ.

А какъ священникъ... ты былъ однимъ изъ немногихъ среди насъ!

Жаль намъ, невыразимо жаль разстаться тѣ тобою, но... воля Всевышняго, въ свѣтлыхъ обителяхъ Котораго, вѣруемъ, ты будешь обитать. Да, ты подвигомъ добрымъ подвизался и вѣру чистую до конца соблюлъ въ своемъ сердцѣ.

Возлюбленный о. протоіерей! Ты при жизни своей никому никогда не отказывалъ въ просьбахъ, исполни же и еще эту, но уже послѣднюю: молись за насъ странствующихъ, какъ и мы не престанемъ возносить, хотя грѣшныя, но отъ сердца исходящія моленія, да упокоитъ Господь духъ твой въ чертогахъ праведныхъ.

Прости насъ, товарищъ, отецъ и учитель!“

Кончился чинъ отпѣванія, началось прощаніе. Многіе изъ присутствующихъ плакали; цѣвчіе исполняли безсмертныя стихиры Св. Іоанна Дамаскина: „Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть“, настоятель Ново-Николаевскаго Собора, близкій родственникъ покойнаго, о. протоіерей Викторъ Россовъ, опираясь на гробъ, охарактеризовалъ всегда любовное и сердечное отношеніе къ родственникамъ о. Аполлона, и сказалъ ему послѣднее спасибо и прости...

Кончилось цѣлованіе, прочитали разрѣшительную молитву, и священники взявши гробъ съ останками, при громогласномъ цѣвніи „Волною морскою“, понесли его къ мѣсту вѣчнаго упокоенія.

Священнослужители, учащіе и учащіеся, родные, знакомые и многочисленное общество почитателей о. Аполлона провожали гробъ до могилы на кладбищѣ Алексѣевскаго монастыря. Масса вѣнковъ (отъ сослуживцевъ, ученицъ, учениковъ Реальн. Уч.,

Отд. Епарх. Учил. Сов., отъ Закоурцевыхъ и Ивачевыхъ, отъ Головановыхъ, Мельниковыхъ и др.) украшали гробъ и крышку гроба, много вѣнковъ несли ученицы на рукахъ.

День былъ тихій и сравнительно теплый. Около 4-хъ часовъ крышка гроба на вѣки закрыла лицо отца Аполлона, и земля застучала по ней...

Миръ душѣ твоей, дорогой отецъ Аполлонъ! Ты отдалъ послѣдній вздохъ среди трудовъ своего чуть не полвѣкового многотруднаго и высокополезнаго служенія нашей церкви и родинѣ. Да будетъ легка земля праху твоему!...

Извѣстная Томску талантливая писательница и поэтесса А. И. Мирская посвятила памяти о. Аполлона слѣдующее стихотвореніе:

Засыпали дѣти живыми цвѣтами
Твой въ землю опущенный прахъ;
Еще такъ недавно ты былъ между нами!..
У многихъ слезу на глазахъ
Я видѣлъ; въ могилу тебя провожая..
Пусть, скромный ты труженникъ былъ,
Пусть, славы мірской суеты избѣгая,
Закону Господню училъ,
Всю жизнь, неуклонно нелегкой дорогой
Идя въ неуставномъ трудѣ,
Доступный и добрый, простой, но и строгій,—
Тебя поминаютъ вездѣ!..
На скромную въ кладбищѣ тихомъ могилу
Положено много вѣнковъ
Отъ тѣхъ, кого сердце твое здѣсь любило,
Отъ юныхъ, прекрасныхъ „цвѣтовъ“ ...
Сни съ миромъ: на тихомъ кладбищѣ весною
Распустится лѣсъ надъ тобой,

И снова придуть ученицы толпою,
Родныхъ приведя за собой..
Ты въ умъ ихъ влагалъ благодатное сѣмя,
Съ терпѣньемъ любви ихъ училъ;
Неся своей жизни безъ ропота бремя,
Любовь отъ дѣтей получилъ...

Во время поминальнаго обѣда нѣкоторымъ изъ присутствующихъ пришла мысль устроить подписку на образованіе стипендіи имени о. Аполлона Лашкова съ тѣмъ, чтобы изъ процентовъ имѣющаго получиться капитала выдавалось пособіе на взносъ платы за ученіе въ гимназій наиболѣе нуждающейся ученицѣ. Тотчасъ же староста гимназической церкви и близкій знакомый о. Аполлона, Г. М. Головановъ подписалъ на это доброе дѣло, въ память о. Аполлона, 100 руб. и всѣ присутствующіе, кто сколько могъ, внесли свою лепту, такъ что единовременно набралось сумма 245 руб.

Такимъ образомъ, начало для стипендіи имени о. Аполлона положено, но еще очень много надо для того, чтобы она образовалась. Поэтому всѣ бывшіе сослуживцы, ученики и ученицы, родные, друзья, знакомые и вообще добрые люди приглашаются принять участіе въ этомъ прекрасномъ и важномъ дѣлѣ ради помяти почившаго отца Аполлона, такъ какъ, по христіанскому ученію, превеликая бываетъ польза умершимъ, когда за нихъ совершается молитва и дѣлаются въ память ихъ добрыя дѣла.*)

Р. С. Пожертвованія на образованія стипендіи имени о. Аполлона принимаются предсѣдателемъ Педагогич. Совѣта Том. Маріин. жен. гимназій Дм. Дм. Основинымъ.

Свящ. І. Ливановъ.

*) Матеріалъ для настоящаго очерка сообщили; товарищъ и другъ о. Аполлона протоіерей А. Завадовскій, А. М. Курочкинъ, Дм. Дм. Основинъ, священникъ Ѳ. И. Смиренскій, І. А. Завадовскій, и І. Г. Островзоровъ; ученица 7 кл. А. Б., г. Васильева, г. Мірская и „Голосъ Томска“ № 17 с. г.